

Фарангис Авазматова

Крыша

Рассказ

С этой девятиэтажки сбрасывалось самое большое количество самоубийц в городе. Власти знали, но ничего не могли сделать — как крышу ни закрывай, лазейки вечно кто-то да находит. Ничего не поделаешь — жить, видимо, не всем охота, не сносить же теперь целый дом, полный вполне счастливых и радостных жителей.

Вот и она сидела на крыше этой старой девятиэтажки и смотрела на свой город — с этой самой крыши открывался прекрасный вид на мерцающую разноцветными огнями телебашню, видно было домики, кажущиеся с высоты птичьего полета маленькими, игрушечными будто. Красивая, хорошо одетая (но не слишком, чтобы никто не подумал, что она специально наводила эту красоту перед смертью), сидела она на крыше — грустная и печальная. Она собиралась с минуты на минуту встать и прыгнуть вниз. Сидела и думала о том, что она — не такая, как все, что ее трудно найти, легко потерять, ну и еще что-то в этом же духе, — в общем, все как положено, полный, так сказать, комплект. Рядом, на бетонном бортике, лежали пачка сигарет и бутылка водки — ни к тому, ни к другому она так и не прикоснулась. Хоть перед смертью, а все-таки боязно — никогда ведь до этого не пробовала.

Воздух здесь, на крыше, пах приятнее, чем внизу, самолеты было видно лучше. Она сидела возле края, не решаясь свесить ноги, сидела и думала о том, как сильно она обижена на весь этот мир, начиная с вредной продавщицы из магазина за углом и заканчивая, конечно же, родителями, которые, по иронии судьбы, обижали ее, не любили, — и вообще, ну их, злые они.

Но зато теперь все, все, все пожалеют, что когда-то сделали ей больно — и тот противный мальчишка с третьего курса, который так жестоко с ней обошелся, и мама с папой, и друзья, и все, все, все! Все, кто обижал ее, кто унижал, — они будут плакать, когда завтра ее имя проскользнет в бегущей строке новостей. Вот она — крыша, исписанная неприличными словами и странными рисунками неудавшихся художников, вот он, город внизу, и, наконец-то, долгожданная свобода...

Она сидела, смотрела на свой город и думала о том, как это романтично — смотреть на этот прекрасный мир в последний раз...

— Твою-ю-ю ж мать, еще одна!

Она дернулась от неожиданности и обернулась назад — из дверного проема, откуда и она попала на крышу, на нее смотрел растрепанный и сонный мужик в пижаме, тапках и с подносом в руках. Под мышкой он зажимал то ли полотенце, то

Авазматова Фарангис Хуришидовна родилась в 2001 г. в Ташкенте. Окончила школу № 60 с углубленным изучением немецкого языка. Студентка 3-го курса Республиканского Художественного колледжа им. П. П. Бенъкова по специальности «Театрально-сценическая декорация». Рассказ «Крыша» был опубликован в журнале «Звезда Востока» (2017, № 1).

ли плед, а на подносе стояли чайник, чашка, коробка сока и чем-то наполненное блюдце.

— Что, очередная «я не такая, как все»? — фыркнул он, шагая ей навстречу, — или панк какой-нибудь? Нет, ну если ты рисовать пришла, рисуй себе, только краской сильно не воняй. Я тут чай вот пью, понимаешь ли, неприятно маленько.

Она смотрела на него с ужасом и искренним непониманием — какой чай, какие рисунки? Она тут вообще-то умирать собралась! Тьфу ты, вот некультурный тип!

— Да что вы себе позволяете! — неожиданно даже для самой себя воскликнула она. — Я вот-вот прыгну вниз, а вы мне такое!

Мужик будто и внимания не обратил — поставил поднос рядом с нею, расстелил плед, сел на него и, вытащив из блюда рогалик, принялся за ночную трапезу. Даже в лице не переменялся — сидит себе в пижаме с медвежатами, смотрит на город и жует рогалик, будто так все и должно быть.

— Угощайся, — как бы между прочим сказал мужик, — умирать собралась, а у самой живот урчит.

Она опешила — надулась вся, оскорбленная. Еще бы — ей ведь казалось, что умирать нужно в романтической атмосфере, а не вот так вот!

Она взглянула на мужика еще раз — лет тридцать, волосы кудрявые в разные стороны торчат, как дискотечный шар. Пижамы несуразная такая, тапки пушистые. Странный какой-то — может, местный сумасшедший?

— Простите, — медленно произнесла она, пытаясь говорить как можно четче, — вы, наверное, не поняли. Я сейчас умирать собираюсь.

Он посмотрел на нее в недоумении, выпучив глаза:

— Как это — не понял? Понял я все прекрасно. Да и было бы тут что понимать, гос-па-а-ди.

И отвернулся в сторону мерцающего разноцветными огоньками города. Она скорчила гримасу недоумения, почесала ухо, думая, что сказать, — и в конце-концов снова повторила:

— Умирать, — а потом, подумав, добавила:

— Суицид. Падать. Смерть.

Он улыбнулся — то ли ей, то ли самому себе.

— Да не дурак я, не дурак, понял, — и передразнил: — Рогалик. Кушать. Вкусно.

И протянул ей рогалик. Вот тут-то она, оскорбленная, злая и все еще романтическая, не выдержала.

— Да какие, к чертям, рогалики?! — завопила она. С крыши слетела пара птиц, что до этого мирно спали: — Я умирать собралась, у-ми-рать! Какие рогалики, вы мне скажите?! Какие, е-мае, рогалики?!

— Да не ори ты, бога ради, — мужик тяжело вздохнул, закатив глаза. — Вот женщины-то, а, буйный народ. И все вам нейметя, только дай повод — сразу орать. Как жена моя, прям, чес слово! Меня аж передернуло. Ну умирать собралась, ну понял я. Перед смертью не надышишься, но рогалик-то можно съесть? Вот лишь бы поскандалить, а, вот лишь бы...

Она приложила к губам ладонь — и чего это она только сорвалась на крик? Сама себя не понимая, все же взяла рогалик.

Не ела она давно — с самого утра, как ушла из дома. Денег с собой взяла мало, да и те, что были, потратила на алкоголь и табак, у нее даже паспорт не спросили, а она, признаться, втайне от самой себя ждала, что спросят, отругают и не продадут.

Как бы там ни было, а желудок-то пустой, и рогалики очень даже ничего.

— Вкусно, — громко чмокая от наслаждения, заявила она — то ли мужику, то ли сама себе.

— Сам готовил, — похвастался мужик. — Пригорели чуток, но уж всяко лучше вот этой дряни.

И глазами он указал на водку и сигареты.

— Некрасиво это, когда девушка — и вот так, — покачал головой мужик. — Выглядишь вроде прилично, не скажешь, что таким балуешься.

— А я и не балуюсь, — гордо заявила она, задрал нос.

— А что тогда? Серьезно налегаешь?

Она как-то невесело улыбнулась — и, дожевывая рогалик, сказала:

— Никогда не пробовала даже — ни сигарет, ни алкоголя.

Мужик удивился — вскинул руки и воскликнул смешным таким голосом:

— Ну ничо-си-и!

Она засмеялась — а он, налив себе чаю и отхлебнув из чашки, продолжил:

— Что, перед смертью захотелось экстрима?

— А то, — кивнула она. — Меня вот из дома выгнали, чего остается?

Он понимающе кивнул. Где-то внизу завопила сирена.

— Вот, «скорая помощь», — озвучил очевидное мужик. — Кстати, о здоровье. Чего на холодном сидишь? Сядь хоть вон на плед. Заболеешь.

— А разницы-то? — флегматично бросила она: — Я же вот-вот умру.

— Будешь лететь вниз и у каждого окна чихать? — и с этими словами он сделал то-о-ленький, как у нее, голос, и начал изображать:

— Апчхи! Ой, на девятом этаже ругаются. Апчхи! Ой, на восьмом уже мириться начали. У-у, вот это кино прям... Апчхи! Кот, не ешь цветы, тебе потом достанется от хозяйки!

— Ну не так уж я и медленно буду падать, — улыбаясь, сказала она. И все-таки села на плед. — С крыш умирают быстро. Я в книжках читала.

— Медленно, медленно, — уверенно заявил мужик. — Вон худая какая. Ветер подхватит — того и гляди, не упадешь, а полетишь.

Она погрустнела. Сирену уже слышно не было, зато начали друг другу сигналить две машины, которые пытались выехать из соседнего двора. Ей вдруг стало интересно, что они там делают в три часа ночи — но вместо этого она, опустив глаза, сказала:

— А мой парень говорит, что я толстая, и бросил меня.

Мужик посмотрел на нее взрослым снисходительным взглядом. Ей повезло, что она смотрела в пол, — иначе бы испугалась, вспомнив отцовский взгляд.

— Э, парень, — махнул рукой мужик. — Тебе лет-то сколько, девочка? Пятнадцать? Парень, видите ли. Парень!

— Вообще-то, — подняв на мужика обиженные глаза, произнесла она, — мне позавчера исполнилось девятнадцать!

— Упс, — мужик почесал голову, и, не дав повиснуть неловкому молчанию, добавил:

— Выглядишь молодо, чо!

— А мой парень сказал, что я выгляжу на тридцать, — всхлипнула она, — и бросил.

— Что-то он у тебя тупой какой-то, если честно, парень этот твой. Ну вот совсем тупой, есть же.

— Бывший.

— Ну, бывший. Подарила б очки, что ль, — видимо, с глазами у него не в порядке. Хех, парень... вот я в этом возрасте был, понимаю — парень... а это — э-э-э, пародия какая-то. Даму обижать, ну где это слыхано! Себе дороже ведь...

Мужик протянул ей сок — мол, пей из коробки прям. Она свинтила крышку и сделала глоток — апельсиновый, ее любимый.

— Это ты из-за него умирать собралась? — как бы между делом спросил мужик, принимаясь за очередной рогалик.

— Да если бы, — хмыкнула она, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Меня родители из дома выгнали.

— Ну, вот прям выгнали?

Она замялась.

— Ну, не прям... ну, поссорились мы, в общем.

— И прям родители виноваты?

— Ну, наверное. Они постоянно ругают меня, говорят, что я непутевая у них. Говорят, незачем я им такая. Неблагодарная, говорят, глупая. Нет чтоб помочь с моими ошибками справиться — только усугубляют.

— Что уж, не любят прям?

— Прям да.

— Вот это плохо, конечно, — сочувственно сказал мужик. — Сам-то я тоже из дома ушел. Только меня взаправду выгнали.

— Ну, вот прям выгнали? — передразнила она его.

— Ну, вот прям да, — и, глотнув чаю, начал рассказ:

— Бестолочью я в детстве был еще той — а родители мои, надо сказать, были очень строгими. Всегда думал, что они злые, как черти, и что я — жертва несправедливой судьбы. Ну, собственно, как и любой подросток. Влип я тогда в дурную компанию — бунтари, бродяги, все против родителей и правительства. Идиоты, в общем. Били посуду, пили водку, дурь всякую ели. Учиться я совсем перестал, в институт не брали, своим на шею сел. Вот и грозились выгнать. Я всегда знал, что слово они сдержат, но думал, что про выгнать — это так, в шутку, чтобы припугнуть. Но, как оказалось, не шутили они. Пришлось уйти. Со скандалом, с криками — выгнали, и все тут. Сестра моя старшая за меня заступалась — да без толку: как решили, так и будет, такая вот семья. Говорят, мол, не нужен я им такой, не их я больше сын. Ну, было мне уже за восемнадцать, жил, где получится, кое-как на жилье накопил, стал снимать. Взялся за ум, в институт пошел. Сейчас работаю вот, человеком, можно сказать, стал — а с родителями так и не общаюсь. Привезу им продукты — они дверь не открывают, а как уеду, соседка говорит, все-таки заносят пакеты в квартиру. Сестра их просила меня простить — но нет, без толку. Ну что поделаешь — ничего, живем.

Мужик улыбнулся, кашлянул как-то неестественно.

— Все же счастье — оно есть. Главное его понять. Никому я не нужен — зато мне все нужны. И хорошо так от этого, и тепло. И вот уже меня все любят. Живу один, родители меня не прощают — а сестра приедет, и на душе тепло.

С этими словами он достал из кармана пижамы кошелек — и, вытряхнув из него припасенные конфеты, вытащил оттуда две фотографии.

— Вот, на этой мы с сестрой в детстве. А тут, глянь, племянница моя. Ну, копия меня, скажи? Сестра даже иногда спрашивает, не я ли ей свою дочь подкинул. Эх. Вот оно — счастье-то! Дергающее за уши, плачущее и смеющееся счастье.

Она смотрела на фотографии и молчала — ну не говорить же, ей-богу, что мама просто в который раз отругала ее за невымытые полы, и лишь поэтому она ушла из дома. А может, не поэтому? Разное было, гадкое — обзывались, дрались, ругались, мама окно открывала перед ней со словами «шагай, устали мы от тебя». Много было, да и не вспомнить уже. Может, и не такое оно гадкое было? Да нет, гадкое, это уж точно. А вот как это гадкое воспринимать — это другой вопрос, на который она не хотела знать ответ.

Мужик картинно вздохнул и, сделав удивительно серьезное и умное лицо, спросил:

— Учишься где?

Она помедлила — вспоминала будто, учится ли вообще или, как студентам положено, дурака валяет.

— В консерватории, — собравшись с собой, сказала она наконец.

— О как, — принимаясь грызть яблочный леденец, кивнул мужик. — Консерватория. Хорошо это. Культур-мультур, значит. Я ведь тоже в свое время музицировал. Даже

школу окончил музыкальную, специализированную. Носил подтяжки и серые штанишки, помнится. Ух, кошмарное время было, брр. Зато на гитаре бренчу вот.

— Да ну? — она выпучила глаза от удивления. — Не врете?

По мужику видно было, что он вообще никогда не врет — но спросить она все равно почему-то спросила.

— Ну так, да, — пожал плечами он, — бренчу. Правда, как от родителей съехал, денег не было долго. Жил в однушке на окраине города, о гитаре и речи идти не могло — а любил я ее всем сердцем, страсть как. Хотелось мне играть. Ну и вот, иду я, значит, из магазина однажды — в одной руке пакет с туалетной бумагой, в другой несу килограмм картошки. Девки еще на лавке у магазина сидели — в юбках коротких, в чулках, с ошейниками на тоненьких шейках, ну, все по моде, все неприлично, как у молодежи принято. Увидели, значит, что бумага из пакета просвечивает, и как давай угорать. Ну, я не обиделся. Период у них такой — из возраста «зачем я живу и в чем смысл жизни» перешли в возраст «ржать над парнем с туалетной бумагой». Все мы взрослеем — и все рано или поздно перестаем думать о смысле жизни, в бытовуху погружаемся... ну да не суть, не о том речь. Иду я такой весь замученный, представляю уже, как я эту бумагу на стопку журналов поставлю, — и вижу бомжа. Сидит себе возле мусорки на бортике, в рваной шапке, в тулупе — а на дворе лето, между прочим, — и гитару держит. А гитара-то, гитара — красавица! Новенькая, блестящая, аж поиграть захотелось! Ну, я, недолго думая, подошел да и говорю: отдай мне, дяденька, гитару, я тебе денег дам. А он мне в ответ говорит, мол, да иди ты на фиг, мальчик, я сам играть хочу. И как начал играть. Битлз играл и пел еще так душевно — лэтит би, лэтит би... ни в одну, знаешь, ноту не попал. Но как пел, как душевно пел! Я аж захлопал в конце, даже бумагу выронил. И сказал я ему тогда, не выдержал, что он просто самый талантливый бомж, каких я когда-либо видел. А он мне ответил, что не бомж он вовсе, а гений! Я подумал — одно другому не мешает, но промолчал, думаю, обидится еще. Оказалось в итоге, что он сосед мой нижний, музыкант, — говорит, таланта нет, вот и играет где попало, то на улицах, то в метро. Одевается странно, как душа велит, вещи не стирает — вот все и думают, что бомж он. И спросил потом — что, мальчик, тоже играешь? Я ему говорю, что играл раньше, пока из дома не выгнали — теперь только на батареях играть, а они ржавые, что на них играть-то? Он посмотрел на меня сочувственно — и протянул мне гитару. Зачем, говорю, это ж ваша. А он мне в ответ — да ладно, дома таких штук семь еще. Бери, ты хоть талант не пропил, а играть — это счастье, даже для меня. Ну, я и взял, принялся разглядывать прям на улице, а как опомнился — ни соседа, ни туалетной бумаги уже не было. Ну, думаю, и ладно, не за спасибо же мне гитару отдали. Эх, а все-таки как он пел! Бездарность, да, но такая, какую не всякий одаренный превзойти сумеет! И он был счастливый. Вот он умел играть — и был счастливый. И никаких мыслей лишних, ничего. Плевать ему было, что на бомжа похож.

Она улынулась. А потом посмотрела на восходящее солнце и вспомнила, зачем она вообще-то сюда пришла. И ей вдруг стало нестерпимо грустно и непонятно, что теперь дальше делать.

— Ты, в общем, не кисни, — между тем продолжал мужик. — Умирать — это не комильфо. Вот я тоже хотел, да не смог. И как я рад, знаешь, как я рад! Нет, ну, конечно, когда я в битком набитой маршрутке в семь утра на работу еду, потому что машину жена забрала, — я, конечно, сдохнуть очень даже хочу. Но зато как здорово жить, когда с жары попадаешь под вентилятор, ты бы знала! Или когда дома наконец отопление осенью включают — рай ведь! Много, в общем, депресняков всяких. Но и счастья не мало, знаешь. Все мы особенные — с татуировками, пирсингом и цветными волосами, анорексичные или толстые в пику мировым стандартам, больные, здоровые, свободные, шизанутые, да хоть какие — но все, поверь, одинаковые. И проблемы у всех

одинаково решаемые. А вот счастье, знаешь ли, — оно в мелочах. А мелочи у всех разные. Гитара, бумага, рогалики — сколько в мире может быть счастья, а?

Он встал на ноги. Поднял поднос, засунул в карман кошелек — и улыбнулся:

— Спускайся. Жена в пять утра встает, завтраки всегда обалденные готовит. Нет, не вру, правда обалденные! Ты думаешь, чего я живу с ней, если она орет постоянно? Все завтраки, знаешь, завтраки. Нет, ну и любовь, конечно, но без завтраков было бы не то. Поешь, а потом домой отвезем, мириться будешь с родителями.

Посмотрел вокруг и сказал:

— Офигительно, оху... ой, простите, здесь же ребенок.

И ушел в сторону лестницы, улыбаясь самому себе. «Вот чудак», — подумала она. А на душе было тепло.

Она осталась сидеть на его колючем полосатом пледе. Он спустился по лестнице на чердак, остановился и тяжело вздохнул. С лица исчезла улыбка. Что будет дальше, он не знал — хотя это был уже двадцать третий ребенок, поднявшийся на крышу только в этом году. Новый ребенок, новые воспоминания, новые истории из прошлого, какие вдруг вспомнились... он закинул в рот еще один леденец.

Таким, как она, он не называл своего имени до завтрака. И имени у таких, как она, не спрашивал. Оставлял эту привилегию жене. И был очень рад, когда в такие вот часы они с женой завтракали не вдвоем, а в компании человека, решившего... нет. Решившегося жить.

Она сидела на его пледе и кожей ловила запах солнечного света. Она сидела и смотрела на пачку сигарет и бутылку водки. Встала на ноги, чтобы потянуться, и задумалась — а ведь всего один шаг решит ее судьбу, шаг, который приведет ее к «обалденному завтраку» и примирению с родителями, или шаг, который навсегда оборвет ее жизнь.

Ей стало страшно и удивительно легко. Она стояла на волосок от смерти. Или на волосок от жизни?

Подумать только. Все может решиться всего за пару секунд.

Один шаг — и тебя нет.

Один шаг — и ты можешь сделать еще хоть миллион шагов.

Она думала. Думала о том, что, конечно, не все плохое рассказала мужику. Жилось ей действительно несладко — надо сказать, паршиво. Да так, что и не расскажешь о таком — даже самой себе. И думала, что, может, все же стоило рассказать, — и стало бы куда веселее, чем есть. Думала, что все, конечно, решаемо — но проблем ведь от этого меньше не станет. Думала, что счастье, безусловно, в мелочах: и в браслете, подаренном лучшей подругой, и в пятне от мороженого, что осталось с прошлой прогулки с друзьями... а еще она думала, что, возможно, не нужны ей эти мелочи вовсе.

Мужик зашел в кухню, поставил на стол поднос. У плиты крутилась его любимая жена.

— Ну, как там? — спросила она.

— Решает. Ждем.

Жена понимающе кивнула. Дожарился омлет, как всегда, наперед сделанный на троих. В ногах у жены мяукал старый усатый кот, хвостом пытаясь согнать с ее длинного фартука надоедливую муху.

А она стояла на крыше и думала — шаг в воздух или шаг к лестнице?

Вперед или назад?

На плед, что лежал у ее ног, уселся голубь.

Шаг. Всего один...

И внезапно она поняла, какой.

Она сделала шаг.